Annotation

Впервые напечатано в «Самарской газете», 1895, номер 50, 5 марта под названием «В Черноморье», с подзаголовком «Песня», в серии «Теневые картинки». Рассказ старого Рагима имел подзаголовок: «О соколе и уже». В первое издание (Дороватовского и Чарушникова) «Очерков и рассказов», 1898 года, произведение вошло под названием «Песня о Соколе», подзаголовок «О соколе и уже» был снят. В остальном рассказ подвергся небольшим стилистическим изменениям. В следующем издании «Очерков и рассказов» «Песня о Соколе» была уже изменена не только стилистически. Горький создал новую редакцию «Песни», в которой значительно заострена политическая направленность произведения, усилено революционное звучание образа Сокола. Полностью переработаны последние строфы. Эта редакция 1899 года легла в основу всех последующих публикаций произведения. «Песня о Соколе» включалась во все собрания сочинений. Печатается по тексту, подготовленному для собрания сочинений в издании «Книга».

- - [«О соколе и уже»](#)
-

Ввиду важности изменений, которым подверглось произведение, приводим полностью первую редакцию песни «О соколе и уже» по тексту, опубликованному в «Самарской газете»:

«О соколе и уже»

I

Высоко в горы вполз уж и лёг там в сыром ущелье, свернувшись в узел и глядя в море.

Высоко в небе сияло солнце, и горы зноем дышали в небо, и бились волны внизу о камень...

И по ущелью, во тьме и в брызгах, поток стремился навстречу морю, скача чрез камни.

Весь в белой пене, седой и сильный, он резал гору и падал в море, сердито воя.

Вдруг в то ущелье, где уж свернулся, пал с неба сокол с разбитой грудью, в крови на перьях...

С коротким криком он пал на землю и бился грудью в бессильном гневе о твёрдый камень...

Уж испугался, отполз проворно, но скоро понял, что жизни птицы две-три минуты...

Подполз он ближе к разбитой птице и прошипел ей прямо в очи:

– Что, умираешь?

– Да, умираю! – ответил сокол, вздохнув глубоко. – Я славно пожил... Я много прожил... Я храбро бился... И видел небо. Ты не увидишь его так близко... Эх ты, бедняга!

– Ну, что же небо? – пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!

Так уж ответил свободной птице и усмехнулся в душе над нею за эти бредни.

И так подумал: «Летай иль ползай, конец известен: все в землю лягут, всё прахом будет...»

Но сокол смелый вдруг встрепенулся, привстал немного и по ущелью повёл очами.

Сквозь серый камень вода сочилась, и было душно в ущелье тёмном и пахло гнилью.

И крикнул сокол с тоской и болью, собрав все силы: – О, если б в небо хоть раз подняться!..

А уж подумал; «Должно быть, в небе и в самом деле пожить приятно,

коль он так стонет!..»

И предложил он свободной птице: – А ты подвинься на край ущелья и вниз бросайся. Быть может, крылья тебя поднимут и поживёшь ты ещё немного в твоей стихии.

И дрогнул сокол и, слабо крикнув, пошёл к обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошёл он, расправил крылья, вздохнул всей грудью, сверкнул очами и вниз скатился.

И сам, как камень, скользя по камню, он быстро падал, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь оmyвши, одела в пену, умчала в море.

А волны моря с печальным плеском о камень бились... И труп птицы не видно было в морском просторе...

II

В ущелье лёжа, уж долго думал о смерти птицы, о страсти к небу. И вот взглянул он в ту даль, что вечно ласкает очи мечтой о счастье.

– А что он видел, умерший сокол, в пустыне этой без дна и края?

– Зачем такие, как он, умерши, смущают душу своей любовью к полётам в небо? Что им там ясно?

– А я ведь мог бы узнать всё это, взлетевши в небо хоть ненадолго...

Сказал и сделал. В кольцо свернувшись, он прынул в воздух и узкой лентой блеснул на солнце.

Рождённый ползать – летать не может... Забыв об этом, он пал на камни, но не убился, а рассмеялся...

– Так вот в чём прелесть полётов в небо! Она – в паденье... Смешные птицы!

– Земли не зная, на ней тоскуя, они стремятся высоко в небо и ищут жизни в пустыне знойной.

– Там только пусто. Там много света, но нет там пищи и нет опоры живому телу.

– Зачем же гордость? Зачем укоруы? Затем, чтоб ею прикрыть безумство своих желаний?!

– И скрыть за ними свою негодность для дела жизни? Смешные птицы!

– Но не обманут теперь уж больше меня их речи. Я сам всё знаю! Я

видел небо.

– Взлетал в него я, его измерил, познал паденье, но не разбился, а только крепче в себя я верю.

– Пусть те, что землю любить не могут, живут обманом... Я знаю правду.

– И их призываю я не поверю. Земли творенье – землёй живу я. И он свернулся в клубок на камне, гордясь собою. Блестело море, всё в южном солнце, и с шумом волны о берег бились.

В их тихом шуме звучала песня о смелой птице, любившей небо.

О, смелый сокол! Ты, живший в небе, бескрайнем небе, любимец солнца!

О, смелый сокол, нашедший в море, безмерном море себе могилу!

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь купаться в небе, свободном небе, где нет помехи размаху крыльев свободной птицы, летящей кверху!..»